

Михаил Орехов
(Калининград)

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ЧУВСТВО ЖИЗНИ

В других нас раздражает не отсутствие совершенства,
а отсутствие сходства с нами.

Дж. Сантаяна

Географическое положение и судьба уготовили Кёнигсбергу-Калининграду особую роль «перекрестка культур».

История разными путями вела народы к встречам на этих берегах Балтики, и каждая встреча — тема для отдельного разговора. Какая максима определяла результат этих встреч и можно ли говорить об особой, местной толерантности или интолерантности, присущей отношениям народов-участников межкультурной коммуникации на протяжении многовековой истории Восточной Пруссии / Калининградской области? Прежде всего необходимо определить сущность понятия «толерантность».

Во-первых, особенность этого термина заключается в его несовпадении с понятием «терпимость», хотя между ними зачастую ставят знак равенства. Терпимость определяется В. И. Далем как свойство или качество «выносить, переносить, сносить, нуждаться, страдать»; терпимый — тот, кого «терпят *только* по милосердию, снисхождению (курсив наш. — М. О.)» [3, с. 401–402]. В таком контексте понятие «терпимость» раскрывается лишь в двух полярных ипостасях — через отношения подчинения и доминирования. Между двумя контрадикторными понятиями не оказывается места для «золотой» середины — возможности сотрудничества.

Во-вторых, в основе механизма толерантности лежит положительно решаемый внутренний конфликт (если конфликт решается отрицательно, то речь будет идти о противоположном толерантности яв-

лении — интолерантности). Внутренний конфликт в более широком понимании может быть присущ не только отдельно взятым индивидуумам, но и этносу в целом.

В-третьих, сама структура толерантности, взятой в самом широком смысле, неоднородна. Так, Майкл Уолцер пишет о спектре из пяти возможных значений, составляющих толерантность. Первое — это «отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира»; второе — «позиция пассивности, расслабленности, милостивого безразличия к различиям»; третье «вытекает из своеобразного морального стоицизма, принципиального признания того, что и "другие" обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь»; четвертое значение «выражает открытость в отношении других, любопытство, возможно, даже уважение, желание прислушиваться и учиться». Наконец, последний, пятый вид толерантности, по Уолцеру, — «это разнообразное восторженное одобрение различий» [8, с. 25–26].

В-четвертых, сам термин «толерантность» востребован многими науками, а следовательно, имеет множество областей «приложения» — от фармакологии, иммунологии и токсикологии до гуманитарного знания. В зависимости от того, какие принципы полагаются в основу разрешаемого противоречия (внутреннего конфликта), акцент может быть сделан на такие аспекты толерантности, как политический, гендерный, возрастной, этнический, религиозный, лингвистический и т. д.

Наконец, для правильного понимания феномена толерантности / интолерантности (а в нашем случае, когда рассматривается толерантность / интолерантность в межкультурных отношениях, речь идет и о понимании исторических явлений) первостепенную важность приобретает определение их причины.

Допустимой гипотезой из вышеизложенного является то, что каждому историческому периоду присуще, как минимум, одно разрешаемое (или неразрешаемое — что объясняется определенными причинами) противоречие. Такими актуальными для «своего» исторического периода могут стать, например, политические, этнические или лингвистические противоречия (в любом количестве и в любой комбинации). Разрешаются они сообразно действующим традициям и нормам межкультурного взаимодействия и права, исходя из преобладающей ценностной ориентации общества.

Drang nach Osten — попытка № 1

Начало истории Кёнигсберга связано с деятельностью Тевтонского ордена, приступившего в конце первой трети XIII века к планомерному захвату прусских земель. В политике, проводимой орденом, соеди-

нялись совершенно разные задачи. Тевтонский орден был создан прежде всего для защиты христиан, а не для распространения христианства среди язычников и захвата новых земель. На практике дело сводилось к сглаживанию «острых» политических моментов, возникавших в отношениях только что пришедших в Пруссию «новичков» и заинтересованных сторон, в частности города Любека. Политические трения постепенно урегулировались, основывались новые замки, расширялась в тяжелой борьбе с пруссами территория нового орденового государства. Какими же были отношения рыцарей ордена и автохтонного населения?

Даже если к определению «натиск на восток» подходить критически и видеть в немецкой средневековой экспансии лишь частное явление, а не планомерный замысел, целенаправленно реализуемый в течение многих столетий, то по поводу судьбы прусского народа, как бы ни было ограничено число источников, дошедших до нашего времени, никаких иллюзий не возникает. Прусская независимость пала уже через полвека после начала завоевания, последние носители прусского языка исчезли, по самым оптимистичным оценкам, во время эпидемии голода и чумы в начале XVIII века. С другой стороны, нет никаких сомнений и в том, что с момента самых первых контактов завоевателей с местным населением пруссы стали быстро ассимилироваться. Это объясняется как жестоким обхождением колонизаторов, активно внедрявших свои традиции, с местным населением, так и тем, что пруссы уже были морально готовы к принятию новой религии, а представители их нобилитета, взятые в заложники, как, например, вождь крупного восстания Геркус Манто, получали «европейское» образование и могли, пусть и неумышленно, «делиться» со своими соплеменниками элементами культуры завоевателей.

Активный исход последних свободных пруссов из своих земель, политика геноцида по отношению к непокорным — все это позволяет говорить о том, что отношения народов на рассматриваемом нами балтийском «перекрестке культур» никак не были исполнены принципами толерантности ни в этническом, ни в лингвистическом, ни в политическом плане. Речь не может идти и об интолерантности, так как у тех, кто принимал культуру, язык и законы завоевателей, был шанс остаться (конечно, на совсем других условиях, чем во времена независимости) на территории бывшей прусской конфедерации. Результат первой успешной попытки немецкой экспансии на восток можно охарактеризовать как установление отношений типа «доминирование — терпимость» между немецкими колонистами и местным населением. Даже первые два уровня толерантности из приведенного выше спектра возможностей («отстраненно-смирненное отношение к различиям во имя сохранения мира» и «позиция пассивности, ослабленности, милостивого безразличия к различиям» — не говоря

уже о большем!) явно недостижимы: ведь зачем завоевателям искать «сохранения мира» или быть «пассивными»?

Отношения «доминирования — подчинения» оставались в силе, когда речь шла о политической и этнической составляющих. В лингвистическом плане со стороны завоевателей можно наблюдать как раз «позицию пассивности, милостивого безразличия к различиям» либо, как максимум, — проявление интереса к прусскому языку как миссионерскому средству¹ или как к лингвистическому курьезу (что верно для немногих ареалов прусского языка, сохранившихся, по всей вероятности, после поражения пруссов в войне за независимость²).

Какова же причина отсутствия толерантности в этот исторический период? Цель Тевтонского ордена — захват прусских земель и ассимиляция покорившегося населения. Ответ представляется простым: там, где конечной целью выступают активная, сознательная ассимиляция или геноцид, не может быть толерантности ни со стороны победителя, ни со стороны побежденного.

Торговля и политика решают все

В течение почти двух столетий орденское государство жило в относительно спокойной внутривосточной обстановке. Однако этот же период ознаменовался и острой внешнеполитической борьбой за достойное место орденского государства. Среди мощных и опасных оппонентов — как торговых, так и политических — выживание могли гарантировать лишь умелое лавирование и создание союзов, которые заключались исходя из выгоды на краткосрочную и среднесрочную перспективы. Основной задачей ордена было сохранение (по крайней мере!) территории и увеличение богатств. Последнее было невозможно без обширных межкультурных контактов. Законы торговли диктовали политику, и старые враги могли временно стать друзьями. В условиях постоянной и жесткой конкуренции ганзейских городов товарооборот увеличивался за счет создания отношений с теми, от кого отвернулись торговые партнеры, как, например, во времена скандинавского конфликта 1360 года.

Особенно процветала торговля ордена с Фландрией, тяжелее складывались торговые отношения с Англией и Новгородом (даже несмотря на начало военных действий в 1368 году), а для налаживания

---

¹ Об этом свидетельствуют три перевода катехизиса с немецкого языка на самбийский диалект прусского языка в XVI веке, предназначавшихся, по мнению Ф. Гаузе, для проповедников сельских общин.

² Например, сохранились записи о смерти в 1677 году «последнего старика, знавшего прусский язык и жившего на Куршской косе».

торговых путей с Польшей потребовалось вмешательство королевы Ядвиги в 1398 году. Однако даже такой непримиримый соперник, как Польша, был заинтересован в торговых связях со своим вечным врагом — Тевтонским орденом.

Упомянутые межкультурные контакты того времени можно охарактеризовать как толерантность в торговых отношениях (третий уровень толерантности — по Уолцеру), которая «вытекает из своеобразного морального стоицизма, принципиального признания того, что и "другие" обладают правами, даже если их способ пользования этими правами вызывает неприязнь». Причиной этнической толерантности к торговым партнерам является, безусловно, возможность получения коммерческой выгоды.

С другой стороны, даже политические обострения, перераставшие в вооруженные конфликты, нельзя объяснить экзистенциальными противоречиями и принципиально разными картинами мира противников, где для врагов не находится места. Фритц Гаузе писал в «Истории Пруссии», что Грюнвальдская битва «не была... битвой между народами или расами, эта битва была между двумя государствами, которые оказались политическими противниками, но принадлежали к одному вероисповеданию, к одному культурному кругу» (цит. по: [1, с. 150]).

История донесла до нас факты, свидетельствующие о толерантных отношениях в религиозной жизни Кёнигсберга начала Реформации. В городе проживали меньшинства, говорившие на польском и литовском языках, еще больше иноязычных христиан прибывало в Кёнигсберг по торговым делам. В перестроенной Штайндаммской церкви стали читаться проповеди на польском и литовском языках, причем инициатива иноязычных богослужений всегда исходила от церковных властей. Этническая и лингвистическая толерантность Реформации в религиозной жизни объясняется установкой на то, что каждый человек имел право слушать Евангелие на родном языке [2, с. 66–67]. И снова уровень толерантности не превышал признания прав «других», даже если это и создавало дискомфорт при встрече с ними. Тем не менее прогресс по сравнению с ранними орденовскими временами был очевиден.

«Mir neue Söhne — Euch ein mildes Vaterland»¹

Период колонизации пустующих земель с помощью иностранных колонистов — как новый этап межкультурных отношений — начался в Восточной Пруссии еще во времена правления герцога Альбрехта

---

¹ «Для меня — новые сыновья, а для вас — новая милая Родина» (нем.) — девиз короля Фридриха Вильгельма I, которым он руководствовался в политике заселения пустующих после эпидемии чумы восточнопруссских земель.

Бранденбургского. Уже тогда герцог, сразу взявший курс на самостоятельную политику (что обострило и так до крайности напряженные отношения с Польшей, приведшие к войне), осознавал необходимость заселения своих опустошенных земель. И первые переселенцы, гонимые за веру, снимались с родных мест и прибывали в Пруссию. Альбрехту удалось убедить перебраться в свое государство многих голландцев, обладавших неизвестными для жителей их новой родины знаниями и умениями.

Интеграция вновь прибывших переселенцев в общество не проходила безболезненно, так как они были кальвинистами. Местные купцы и ремесленники встречали голландцев, англичан и французов с большим подозрением и нелюбовью, поскольку чужестранцы приносили в Пруссию новые методы хозяйствования. Средством избавиться от ненавистных конкурентов служили обвинения в ереси — неудачно сданный экзамен мог повлечь за собой изгнание. В 1559 году герцог запретил всем гражданам сдавать жилье голландцам, если президент консистории не удостоверил их истинной веры. И он же встал на их защиту, когда кнайпхофцы лишили нескольких приезжих гражданских прав и бросили в тюрьму. «Давайте жить с этой нацией, как и с другими, в равенстве, как это было с древних времен, с тем чтобы не возникало разобщения наций» [Там же, с. 77—78]. Если в словах герцога о «древних временах» можно найти преувеличение, то сам факт защиты иностранцев и «внедрения» этнической толерантности силовым путем «сверху» следует отметить особо.

Продолжить политику колонизации, начатую еще Альбрехтом, довелось Фридриху Вильгельму I. То, что первому светскому правителю Пруссии приходилось совершать эпизодически, король был вынужден делать по необходимости: большая эпидемия чумы в 1709—1710 годах опустошила Восточную Пруссию. Масштабы переселения были значительными: в Пруссию прибыли французские гугеноты, меннониты из Швейцарии¹, эмигранты из Нассау, Пфальца, Зальцбурга. В целом их число оценивается в 15 тыс. человек [1, с. 199].

Толерантность прусских монархов объясняется, конечно, не только состраданием к братьям по вере (хотя, безусловно, Фридрих Вильгельм I отличался глубокой религиозностью). Именно экономические причины, находящиеся формально на втором плане, лежали в основе религиозной толерантности. С другой стороны, сложнее объяснить только рациональным подходом «короля-сержанта» факт увеличения

---

¹ Данцигские, мариенбургские и эльбингские меннониты продолжили в конце XVIII — середине XIX века свой путь на восток, перебравшись в Самарскую губернию Российской империи.

численности католиков в Кёнигсберге, которое началось еще во времена правления последнего курфюрста. В 1720 году в городе работало уже пять католических священников, а папский запрет на деятельность иезуитов вошел в силу в Пруссии только в 1780 году.

Еще один важный, хотя и кратковременный межкультурный контакт имел место во времена русской оккупации и нахождения Восточной Пруссии в составе Российской империи. Отношения между русскими и немцами были если и не дружескими, то по меньшей мере приемлемыми. Русские офицеры принимали активное участие в городской жизни, и под их влиянием нравы местных жителей стали более свободными. Известен ряд случаев, когда немцы поступали на русскую службу и добивались там успеха: друзья Гиппеля Иоахим Кристиан Грот и Кристиан Готтлиб Арндт отправились в Санкт-Петербург и достигли там определенного положения. Молодой Гиппель также посетил столицу империи и был ослеплен ее величием. Профессоры Альбертины Бок и Ватсон слагали хвалебные гимны в честь царицы Елизаветы, а первым напечатанным стихотворением Гердера было восторженное стихотворение на восхождение на престол Петра III [9, S. 486].

Надо особо отметить участие русских офицеров в организации масонской ложи Кёнигсберга «Три короны», как и то, что многие из них посещали лекции в Альбертине. Спекулятивное масонство, проповедовавшее всемирное братство и толерантность, оформилось окончательно в XVIII веке, а в период русской оккупации в Кёнигсберге работа лож велась очень активно.

The lights are going out all over Europe¹...

В начале XIX века Восточная Пруссия стала ареной крупных сражений наполеоновских войн. Настал момент, когда жителям Кёнигсберга пришлось еще раз испытать тяготы оккупации, при которой отношения между победителем и побежденным выражаются простой формулой «доминирование — терпимость». Условия французской оккупации сильно отличались от времен русского владычества в Восточной Пруссии, при котором «для граждан почти не существовало ограничений... в хозяйственной деятельности» и «оккупация мало что изменила во внешнем облике города» [2, с. 140]. Более того, лишь вмешательство России спасло Пруссию от потери государственности. О толерантном сосуществовании оккупантов-французов и местных жителей речи идти не могло.

---

¹ Часть высказывания, приписываемого Эдварду Грею, британскому министру иностранных дел, якобы произнесшему эти слова в дни июльского кризиса 1914 года: «По всей Европе гаснут огни, [и нам их больше никогда не увидеть]».

Однако с точки зрения экзистенциального конфликта цивилизаций войны XIX века во многом были похожи на войны веков предшествующих. Это все еще борьба «политических соперников», не отрицающих того, что они принадлежат «к одному кругу». Настоящим переломным моментом европейской истории (и русско-германских отношений в том числе) стал первый современный вооруженный конфликт — Первая мировая война, которую по праву можно считать гражданской войной, положившей конец прежнему укладу жизни европейской цивилизации. Последствия ее ощущаются Европой до сих пор, а для Кёнигсберга-Калининграда «гражданская война Европы» стала переломным моментом истории балтийского перекрестка.

Особенность этого конфликта — в отсутствии геополитической природы. Только экономическими причинами объяснить неограниченную войну нельзя, ведь все страны-участницы понесли потери, намного превышающие максимально возможные торговые убытки, которых так старались избежать. Ответ заключается в межцивилизационном характере конфликта — праве быть великой нацией с великим будущим. В схватке не на жизнь, а на смерть столкнулись две цивилизации, одна из которых стала великой, а другая хотела ею стать. Ставкой в этой схватке стала будущая картина мира [6, с. 526], в которой не было места врагам и, конечно же, не шла речь ни о какой толерантности. Многочисленные случаи крайне недоброжелательного отношения и даже открытого насилия к русским, возвращавшимся из Германии в июле 1914 года, ярко свидетельствуют об обратном — интолерантности. Причем перемена настроения произошла буквально за считанные дни. Как был запущен механизм? Несомненно, всякое толерантное / интолерантное отношение имеет свои причины. Думается, что основы неразрешенного межцивилизационного конфликта и причины интолерантности лежат во временах франко-прусской войны 1870—1871 годов и последующего создания Германской империи и заслуживают отдельного изучения.

Как бы то ни было, «огни в Европе» действительно погасли надолго. Окончание “war to end all wars”¹ запустило обратный отсчет времени до нового, еще более глобального конфликта.

Советское поле экспериментов

Время после окончания Второй мировой войны — это, пожалуй, самый сложный период в истории межкультурных контактов в Кёнигсберге / Калининграде. Более трех лет победители и побежденные

---

¹ Войны, призванной закончить все войны (англ.).

провели вместе. Много дискуссий вызывает отношение советских людей к бывшим врагам. Нужно признать, что многие из упреков немецкой стороны справедливы, но истина лежит ближе к точке зрения Михаэля Вика, автора воспоминаний «Закат Кёнигсберга. Свидетельство немецкого еврея», считавшего, что русских можно понять, но нельзя простить. Однако люди не могут в один момент освободиться от своего прошлого, а все контакты русских и немцев проходили именно под знаком недавнего прошлого. Было бы неправильным делать обобщения и говорить только об отношениях «доминирования — терпимости».

Об обратном — о том, как немцы и русские пытались узнать друг друга, — мы можем прочесть в предельно откровенной книге калининградского писателя Юрия Иванова «Танцы в крематории. Десять эпизодов кёнигсбергской жизни». Парадоксально, но факт: на некоторых этапах истории Кёнигсберга именно верховная власть проводила политику толерантности в противовес общественному мнению. Особенность межкультурных контактов послевоенного Кёнигсберга / Калининграда состоит в том, что указания из Москвы требовали самых суровых мер за любые послабления в отношении к немцам. Но, вопреки идеологической установке на интолерантность и многочисленным запретам, толерантность в отношениях порождалась самой атмосферой трудной повседневной жизни в разрушенном и требующем восстановления городе. Калининградская область вынужденно стала местом постановки «эксперимента» по совмещению несовместимого: недавних смертельных врагов, вынужденных работать и жить вместе. Преодоление открытой враждебности в короткие сроки — важный и уникальный в своем роде феномен межкультурных отношений в Калининградской области в первые послевоенные годы [5, с. 167–168].

Контакт с коренным населением Восточной Пруссии оказался лишь первой вехой на пути многолетнего эксперимента по освоению новой земли (см. также [7]). И если проблемы освоения инфраструктуры, а в более глобальном значении — и физического пространства, были сложны, но решаемы, то «освоение» истории оказалось куда более трудным. Важным этапом формирования новой жизни стала кампания по переходу с немецкой (прусской) топонимики на русскую (интересный пример лингвистической интолерантности). Примечательно и изменение отношения к довоенной истории Восточной Пруссии, попытки узаконить свое присутствие на этой земле путем причисления древних пруссов к славянам. «"Прошлое начинается сегодня!" — вот под каким лозунгом мы жили тут сорок лет», — так пи-

сал Юрий Иванов в 1990 году в письме своему канадскому корреспонденту писателю Х. Фишу, родившемуся в Кёнигсберге [4].

К чему пришли калининградцы за шестьдесят с лишним лет новейшей истории? Можно ли говорить о сложившейся особой «калининградской» толерантности? Безусловно, изучение этой тематики только начинается. Не поддается сомнению одно: тот факт, что и первые переселенцы, которые приезжали из разных областей и республик СССР, и миграция 1990-х и 2000-х годов, и опыт общения с «другими», накопленный за последние два десятилетия, *должны* были способствовать формированию в калининградском «плавильном котле» особого субэтноса со своим отношением к «иному». Не являются ли подтверждением этой гипотезы мысли о том, что именно Калининградская область призвана стать «пилотным» регионом для отработки отношений между Россией и Европейским союзом? Политика ассимиляции постепенно уступает место более продуктивной политике толерантного межкультурного общения, а косвенным подтверждением этому служит то, что ООН объявила 2010 год международным годом сближения культур.

Список литературы

1. *Восточная Пруссия. С древних времен до конца Второй мировой войны: Ист. очерки. Документы. Материалы.* Калининград, 1996.
2. *Гаузе Ф.* Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города. Реклингхаузен, 1994.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1996. Т. 4.
4. *Иванов Ю. Н.* Письмо канадскому писателю Х. Фишу, родившемуся в Кёнигсберге. Кёнигсберг, 23 июня 1990 г. ГАКО. Ф. Р-1183. Оп. 1. Д. 20. Л. 1 – 1 об.
5. *Костяшов Ю. В.* Секретная история Калининградской области. Очерки 1945 – 1956 гг. Калининград, 2009.
6. *Переслегин С.* Мировой кризис 1914 года: очерк стратегического планирования // Такман Б. Первый блицкриг, август 1914. СПб., 2002.
7. *Попадин А.* Самосознание калининградцев. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.popadin.narod.ru/samosoznanie.html>
8. *Уолцер М.* О терпимости. М., 2000.
9. *Kohnen J.* Christian Täge's, ehemaligen Russischen Feldpredigers, Lebensgeschichte. Zu einem Königsberg-Beitrag August Samuel Gerbers // Das Preußenland als Forschungsaufgabe. Lüneburg, 2000.

**ЯЗЫК:
ПУЛЬС ВРЕМЕНИ**

Рано или поздно составители словарей помимо констатации уже принятого нормативного состава языка показывают, в каком направлении он развивается. А вот что выберут люди — дело их вкуса, компетентности, представлений о престижности словарных форм.

О. Кочеткова

Слова появляются по отдельности, группами, иногда очень большими группами. Последнее — самое интересное, поскольку речь в этом случае идет о значительном изменении среды, о некоей волне изменений, накрывающей наше общество...

М. Кронгауз

Российские программисты, а вслед за ними и пользователи оказались в ситуации языкового шока, который спровоцировал активную языковую деятельность, направленную на творческое освоение чужой лексики...

Е. Русакова